

ПЕРВАЯ ЭМИГРАЦИЯ ЗАПОРОЖСКИХ КАЗАКОВ*

Аннотация: В статье рассматривается история первой эмиграции запорожских казаков, продлившаяся долгие 25 лет. В ней показаны причины ухода в 1709 году значительной части запорожского казачества за пределы Российской империи, их адаптация в новом месте пребывания, вскрываются побудительные мотивы к возвращению на родину. Борьба за влияние над казаками-запорожцами рассматривается в контексте военно-политического противостояния России с Турцией, а также с некоторыми поддерживающими Османскую империю европейскими государствами.

Ключевые слова: запорожские казаки, Запорожская Сечь, эмиграция, Россия, Турция, Крымское ханство, Швеция.

Причины эмиграции казаков-запорожцев во многом схожи с причинами бегства из России казаков-некрасовцев. Ограничение Петром I сословных привилегий в плане приема беглых крестьян, автономного самоуправления, доступа запорожцев на территорию левобережной Украины (для этого была специально построена вблизи северной границы казачьих земель крепость Каменный затон), усиления контроля за поставкой хлеба в Запорожье и постоянная задержка жалованья неоднократно приводили к волнениям в среде запорожских казаков. К тому же, Украина продолжала оставаться узлом противоречий между Россией, Речью Посполитой и Крымским ханством, что приводило к постоянным изменам подавляющего числа гетманов после смерти Богдана Хмельницкого в 1657 г. вовлекавшим в свою борьбу и казацкие массы. К нестабильной внешнеполитической обстановке добавлялись социальные противоречия между казацкой старшиной и так называемой «серомой» - беднейшими казаками. Запорожье буквально сотрясало от восстаний различного масштаба по разным поводам, проходивших с завидной регулярностью в 1658 г., 1664-1665 гг., 1666 г., 1687 г., 1688 г., 1690-1691 гг., 1693-1696 гг. [1, с.322]. Более полутора тысяч запорожцев участвовало и в восстании К.А.Булавина 1707-1709 гг. [6, с. 228]

В такой обстановке любой крупный внешнеполитический конфликт, имевший место вблизи Запорожской Сечи, просто обязан был привести к тем или иным антироссийским акциям со стороны запорожских казаков. От привинтивных мер царского правительства их долгое время в какой-то степени спасал гетман И.С.Мазепа, пользовавшийся безграничным доверием Петра I. Это доверие было основано на том, что Мазепа поддержал царя еще в то время, когда он, опасаясь за свою жизнь, бежал в 1689 г. в Троицко-Сергиевский монастырь. Поэтому Петр I считал клеветой все доносы на гетмана (начали поступать с 1688 г.) и пересылал их в Батурин, где находилась резиденция Мазепы. Но здесь русского самодержца ждало страшное разочарование: в 1705-1707 гг. гетман вел тайные переговоры с находившимся в полной зависимости от Швеции польским королем Станиславом Лещинским о переходе Украины под власть Речи Посполитой. Наконец, акт открытого предательства свершился: 25 октября 1708 г. под предлогом соединения с русской армией Мазепа перешел с 4-5 тыс. казаков через Десну в расположение шведской армии [6, с.432].

30 октября Петр I послал в Сечь грамоту и вызвал старшину в Глухов для избрания нового гетмана, но та не явилась на вызов царя. Тогда к запорожцам был послан

* © Мазин К.А.

И.И.Скоропадский с жалованьем для казаков[3,с.375]. А по отношению к изменнику Мазепе были предприняты заочные меры наказания. «Гнездо измены» - Батурин был сожжен русскими войсками. А в ноябре 1708 г. в Глухове Петр I произвел заочный ритуал отрешения Мазепы от гетманства, одновременно он был отлучен от церкви[6,с.432]. Предпринятые царем действия оказали лишь временное воздействие на сечевиков и 28 марта 1709 г. к Карлу XII в местечке Будищи (Полтавская губ.) присоединился кошевой атаман Константин Гордиенко с 8 тыс. запорожцев[5,с.11]. В ответ российские власти приняли меры по изоляции Запорожской Сечи от вражеского влияния. Но в это время там был избран новый кошевой атаман П.Сорочинский, враждебно относившийся к России. Возглавляемые им казаки захватили крепость Каменный затон и совершили ряд набегов на гарнизоны русских войск. Кроме этого, он обратился с письмом к Крымскому хану и призывал запорожцев идти под начало шведского короля Карла XII.

Ответные меры России были быстры и эффективны. 6 апреля 1709 г. три полка под руководством полковника П.Яковлева пришли в Запорожье. Они заняли Келеберду, Переволочную, крепости Старый и Новый Кодак. 7 мая 1709 г. русские войска отбили у казаков крепость Каменный затон и подошли к Запорожской Сечи в устье реки Чертомлык. Три дня Яковлев «добрым словом» уговаривал запорожцев образумиться. За это время к нему на подмогу пришел верный царю казацкий полк И.И.Галагана. Сечевики под напором зажиточной старшины, боявшейся потерять свое имущество, и многократного превосходства российских войск (против 4 полков было всего 800 казаков)[1,с.337] 14 мая 1709 г. капитулировали, после чего Запорожская Сечь была уничтожена с особой жестокостью. В плен были взяты: кошевой атаман, войсковой судья, 26 куренных атамана, 2 монаха, 250 простых казаков, 160 женщин и детей. Половина пленных умерло от ран, 156 атаманов и рядовых казаков было казнено[3,с.375]. 26 мая 1709 г. последовал указ Петра I, разъяснявший эти жестокие меры подтверждающий ликвидацию Запорожской Сечи. По указу все не повинившиеся и не сложившие оружия казаки подлежали поимке и смертной казни, их земли от реки Орели до реки Самары экспроприировались. Официальным властям предписывалось препятствовать возвращению казаков в села и города Малороссии. Все запорожцы, как виновные, так и не оказавшие сопротивления, лишались принадлежности к казацкому сословию и становились обыкновенными крестьянами[8,с.448-449].

Вполне естественно, что после этого запорожцы во главе с бывшим гетманом Мазепой и кошевым атаманом Гордиенко стали активными участниками Полтавской битвы на шведской стороне. Исход битвы в пользу России predetermined дальнейшую судьбу запорожцев: им нужно было спастись бегством, так как захваченных под Полтавой в плен Петр I приказал казнить. Поэтому значительная часть запорожцев ушла вместе с Мазепой и Карлом XII во владения Турецкой империи.

Однако большая часть запорожских казаков предпочла эмиграции нелегальное положение на родине и оказалась права. Буквально через несколько дней, 7 июля 1709 г. Петр I, тронутый бедственным положением скрывавшихся, а, самое главное, в честь своей «виктории» в Полтавском сражении, простил запорожцев и, лишив их казачьего звания, приказал расселить по городам и селам Украины[8,с.443-463]. Таким образом, большинство запорожских казаков отдали предпочтение родине, а не сословным привилегиям.

В то же самое время запорожцы, бежавшие с Карлом XII, преодолев безводное степное пространство между Днепром и Бугом, достигли Очакова, где шведский король отпустил часть казаков, оставив при себе внушительный отряд в 3-4 тыс. человек[8,с.465]. Затем он окончательно стал лагерем около Бендер. Одновременно с

этим остатки запорожского войска, уцелевшие после разгрома Сечи, во главе с атаманом Якимом Богушем спустились вниз по Днепру и основали Новую Сечь в устье реки Каменка (120 км к юго-западу от Никополя)[6,с.228].

Петр I не оставил своих попыток лично наказать предателей. Он предлагал визирю 300 тыс. талеров за выдачу Мазепы. И хотя экстрадиция не состоялась, такая перспектива доконала старика и Мазепа умер 22 августа 1709 г.[2,с.285] После смерти гетмана в апреле 1710 г. в Бендерах состоялась большая казацкая рада. На ней Карл XII был провозглашен высшим протектором запорожского казачества. Бывший генеральный малороссийский писарь Филипп Орлик избран гетманом Малороссии, а также подтверждался статус К.Гордиенко как кошевого атамана. Кроме этого, на рассмотрение шведского короля был представлен документ, состоящий из 16 пунктов. «В них изложен был полностью идеал политических стремлений, который передовые люди из запорожского войска хотели видеть осуществленным в Малороссии и заодно с ней в Запорожье»[8,с.467]. На наш взгляд, документ настолько интересен, что стоит остановиться на нем по подробнее.

В 16 пунктах запорожские идеологи предлагали, в первую очередь, обезопасить православную религию от возможной конкуренции со стороны других конфессий, которые при помощи Карла XII предлагалось на украинской территории попросту уничтожить. Границы будущей независимой Малороссии должны быть нерушимы. Любое посягательство на них извне, по мысли казаков, пресекалось не только Карлом XII, но всеми последующими королями Швеции (по этому поводу следовало заключить отдельный трактат). Планировалось заключение дружественного оборонно-стратегического союза с Крымским ханством, а также уничтожение всех укреплений, построенных Россией на территории Украины.

Не забыли казаки и о своих привилегиях. Город Техтемиров со всеми промыслами, угодьями и перевозом отходил во владения казаков. Доходы с него шли на оказание помощи инвалидам и ветеранам казацкого войска. Все низовье Днепра от реки Переволочной с городом Келебердою, рекою Ворсклою с притоками становилось вотчиной запорожцев, где только им предоставлялось исключительное право строительства, рыбной ловли, соляных промыслов и других видов хозяйственной деятельности.

В будущей стране устанавливались почти республиканско-коллегиальные порядки: гетман решал важнейшие вопросы только по совету генеральных советников (также избираемых). Такая же структура власти предполагалась в административных округах. Три раза в год собирались депутаты генеральной рады (на Рождество, на Пасху и на Покров), где решались важнейшие государственные вопросы. Гетман имел право самостоятельно решать только оперативные дела и ведал сношениями с иностранными государствами. Не было у него и права наказания за административные и уголовные правонарушения, это являлось исключительной прерогативой суда. Представления о провинностях гетману могли подавать только выборные «енеральные особы», частным лицам это восприщалось.

Для административно-финансовой, налоговой и хозяйственной деятельности выбирался генеральный подскарбий, «человек значный и заслуженный, мастный и благосовестный». К скарбу гетман отношения не имел, ему предоставлялось строго оговоренное государственное обеспечение, как и другим государственным служащим. Коррупция объявлялась самым тяжким правонарушением, о котором обязаны были доносить все граждане республики.

Вдовы и сироты, а также семьи казаков пребывающих в походах, освобождались от налогов и повинностей. «За увольнением от подданства московского» в стра-

не должна быть проведена полная ревизия населения с целью справедливого налогообложения. Киев и остальные украинские города находились в управлении гетмана. Правом на бесплатное транспортное обслуживание пользовались только чиновники, следовавшие по государственной надобности, остальные решали проблемы передвижения «своим грошем». Общая численность регулярных войск и размер налога на его содержание был исключительно в компетенции генеральной рады. Мелкие торговые сделки не облагались налогом. Планировалось и существенное снижение налогообложения крупных сделок, надзор за которыми осуществлял гетман[8,с.467-478].

Вот такой подробный, прямо-таки конституционный, проект будущего устройства своей страны разработали эмигранты-запорожцы. Документ этот как уже подчеркивалось выше, очень интересен, но столь же не реален для начала XVIII в. Во-первых, протектор независимой Малороссии, Швеция, после полтавского разгрома готовилась покинуть список великих держав, к тому же находилась слишком далеко. Во-вторых, и это самое главное, совсем рядом была единоверная, имеющая общие корни с Украиной, становящаяся империей, Россия. А основной чертой всех без исключения имперских государств является огромный, всегда неудовлетворенный геополитический аппетит.

10 мая 1710 г. Карл XII утвердил в Бендерах 16 пунктов казачьей «конституции», о чем было немедленно сообщено в Сечь на реке Каменка атаману Богушу[8,с.478]. Одновременно с этим, прекрасно понимая, насколько велик авторитет запорожцев на Украине, и как опасна для России может оказаться их помощь Карлу XII, крымскому хану и турецкому султану, Петр I предпринимает попытку увещевания запорожских казаков, бежавших за пределы российского государства. Он обещает через гетмана И.И.Скоропадского эмигрантам прощение и даже награды, но среди казаков ходили упорные слухи о жестокой расправе с теми, кто возвращался в Россию. Например, весной 1710 г. в Корсуне был убит реэмигрант Петрик. Дело было раздуто виновником происшествия полковником Колбасой[8,с.481]. И хотя расследование, проведенное киевским губернатором кн.Голицыным, показало, что убийство не носило характера политического преследования, а было всего лишь результатом пьяной ссоры, доверия этот случай в отношении царских властей и запорожцев не добавил. Вполне понятно, что в ответ на запрос о возвращении кошевой атаман Иосиф Кирилленко «со всем низовым товариществом» прислал обширное письмо, где «вместо покорности царю ответили целым потоком упреков и горьких жалоб». «Из такого ответа запорожцев Скоропадскому было видно, что раны, которые нанесли казакам русские в Чертомлыцкой Сечи, были еще слишком живы и чувствительны»[8,с.490]. Причем, «обида» запорожцев, как это часто случалось в казацкой среде, скоро приобрела очень активный характер вооруженной борьбы против обидчиков. 9 ноября 1710 г. турецкий султан Ахмет III объявил войну России. Убедивший его в необходимости этого шага Карл XII призывает запорожцев принять участие в походе турок и крымских татар. 17 ноября 1710 г. казаки поставили во главе своего войска кошевого атамана Гордиенко[8,с.492]. Весной 1711 г. запорожцы принимали участие в военных действиях на Украине. Крымский хан Девлет-Гирей, взяв несколько сот казаков, совершил набег на Слободскую ее часть. Ему удалось без боя взять городок Новогеоргиевск, что явилось результатом предательства местных жителей. Однако осада городка Новобогородицка для казацко-татарского воинства закончилась безрезультатно. Подоспевший на выручку генерал-майор Бутурлин снял его осаду и освободил Новогеоргиевск. Последовало суровое наказание: местных казаков заставили бросать жребий, - лишь каждый десятый оставался в родном городе, остальные были отправлены в Москву[8,с.495].

В то же самое время Орлик и Гордиенко на Правобережной Украине разбили

посланные Скоропадским полки генерального есаула Бутовина и взяли его в плен. Затем им удалось осадить важный стратегический пункт – Белую церковь. Гарнизон ее составлял всего 300 солдат, а в стане осаждавших было 10 тыс. казаков, 20 тыс. татар и 3 тыс. сторонников свергнутого русскими властями польского короля Станислава Лещинского. Следует отметить, что поначалу местное население очень часто приветствовало приход запорожцев. Последние, зная о нравах своих союзников – татар, заключили с ними до похода договор, одним из пунктов которого запрещалось грабить церкви и брать в плен христиан[8,с.480]. Но, видимо, крымцы довольно быстро забыли о своих обязательствах. Поддались на искушение, скорей всего, и изголодавшиеся на чужбине запорожцы. Повальные грабежи скоро оттолкнули население Украины от своих освободителей[2,с.285]. В конце концов, запорожское войско Орлика и Гордиенко было разгромлено российскими частями. Казаки понесли серьезные потери и вместе со своими командирами были вынуждены отойти за Днестр.

Провалом закончился и второй поход Девлет-Гирея, когда он с воеводой Иосифом Потоцким и 7 тыс. казаков дошел до города Немиров. Потеряв 5 тыс. убитыми и бросив 10 тыс. пленных русских и украинцев, захватчики были вынуждены бежать. Действовали запорожцы и небольшими силами. В это время у реки Самары появился отряд казаков в 400-500 человек во главе с кошевым атаманом Алистратенко. Враждебные антироссийские акции закончились плачевно для запорожских казаков: в 1711 г. войска гетмана И.И.Скоропадского и генерал-майора Бутурлина разрушили Сечь у реки Каменка. Остатки сечевиков вынуждены были основать Новую Сечь на территории Крымского ханства в урочище Алешки (близ совр. Херсона)[6,с.228]. Эмиграция запорожских казаков приобретает все более долговременный характер.

12 июля 1711 г. по Прутскому миру Россия была вынуждена признать за Крымским ханством покровительство над запорожцами[5,с.11]. А по Константинопольскому трактату 1712 г. Петр I признает их подданными Турции[7,Т.IV,№2545]. Одновременно он приказал поставить в Полтаве караул в 300-400 драгун, чтобы не допустить самовольного возвращения запорожцев. Повинившихся можно было расселять по малороссийским городкам, но только мелкими партиями и, естественно, с потерей казачьего звания. Понимая, что одной из главных статей дохода казаков является торговля, Петр особо обратил внимание на недопустимость появления на территории Украины купцов-запорожцев. Но и их после частых задержаний русские караулы были вынуждены отпускать, чтобы не ссориться с властями Крымского ханства.

Атаман Гордиенко, испугавшись, видимо, что навсегда останется на чужбине, пытался вести переговоры с гетманом И.И.Скоропадским, но они не дали никаких результатов. В конце концов, рассорившись с Карлом XII, он покидает Бендеры и уходит в Новую Сечь а Алешках. Со шведским королем остался только Орлик и два десятка казаков.

На фоне возобновившихся в 1713 г. русско-турецких переговоров в Адрианополе запорожцы возобновляют набеги на российскую территорию. Атаман Алистратенко нападает на местечко Царичанку у реки Орели. Около Богуслава появляется небольшой отряд во главе с казаком Швачкой. Казак Грицко Бережный с отрядом нападает на Келеберду и убивает 7 местных жителей. Как мы видим, эти акции имели совсем другой масштаб. Скорее всего, эти одиночные и малочисленные набеги были организованы под воздействием убежденных русофобов Орлика и Гордиенко. Подавляющее число казаков уже не хотело воевать против бывшей родины. Когда крымский хан пытался в феврале 1714 г. поднять запорожцев в новый набег, они решительно отказались. А в ноябре 1714 г. уезжает из Турции Карл XII[8,с.503-509], несостоявшийся протектор «вольной казачьей республики», а с ним и последняя надежда на ее

реализацию на родной украинской земле. Разочарование – вот основное состояние в душах казаков-эмигрантов в эти годы. Не улучшило их настроение и подписание в 1713 г. Андрианопольского трактата, по которому Россия признала «утверждение» Запорожской Сечи в Турции и взяла обязательство о «нечинении на оную никаких претензий» [7, Т.IV, №2687]. Это было только лишним подтверждением нескорого возвращения на Украину.

Новая Сечь в урочище Алешки находилась в гораздо менее благоприятных природных условиях, чем цветущая земля, оставленная запорожцами у реки Чертомлык. Она представляла собой незначительную полосу плавень у левого берега Днепра, окруженную с востока песчаными кучугурами, а с севера и юга безводными и пустынными солонцеватыми степями.

Вопрос о численности эмигрировавших запорожцев остается в литературе открытым. Мы приблизительно знаем количество казаков, участвовавших в Полтавской битве - 12-13 тыс., в то же время число казаков, ушедших после разгрома Запорожской Сечи, остается неизвестным. К тому же только 38 куреней (1,5 тыс.) жило собственно в Алешках, остальные были рассеяны по многочисленным речкам черноморского побережья [8, с.543]. Даже собственные подсчеты запорожцев приводили их к выводу, что казаков должно «считаться многие тысячи людей, только о подлинном оных числе знать невозможно» [8, с.543]. Поэтому приходится довольствоваться приблизительной цифрой в 10 тыс. казаков-эмигрантов, наиболее часто встречающейся в литературе [4, с.47].

Несмотря на предоставленные властями Крымского ханства льготы, выраженные в освобождении от налогов и повинностей (кроме воинской), а также довольно частые пожертвования от хана, с самого начала запорожцы были стеснены в своей традиционной хозяйственной деятельности, особенно в торговле. Мытный трактат 1713 г. провел границу между реками Орелью и Самарой и фактически лишил казаков возможности торгового обмена со своей бывшей родиной. Сократился приток беглых, а, следовательно, перекрывался основной источник пополнения запорожского казачества. Тяжело проходила и психологическая адаптация: 200 лет воевали казаки с татарами и вдруг в одночасье они становились защитниками и покровителями казаков [8, с.511]. Все это, естественно, вызывало недовольство казачества и обращало его взор в сторону России. На волне этого настроения занимавший явно антироссийскую позицию Гордиенко был переизбран и кошевым атаманом в 1714 г. стал прорусски настроенный Иван Малашевич [1, с.340], с именем которого связаны многочисленные просьбы о возвращении запорожцев из эмиграции.

Первое обращение всего низового казачества о реэмиграции поступило еще в 1712 г. В 1713 г. было разрешено вернуться небольшой партии при условии строгого контроля за поведением бывших запорожцев. В 1714 г. 350 казаков поселились на севере гетманщины в районе Глухова и Конотопа [1, с.340].

В том же году кошевой атаман Малашевич обратился к официальным властям о возрождении Запорожской Сечи, но получил немилостивый ответ. В самой Сечи продолжались распри по поводу возвращения, слухи о которых дошли до Орлика, находившегося в Андрианополе. Он послал письмо к запорожцам с категорическим требованием оставаться в пределах Крымского ханства, а властям последнего подал мысль о необходимости приведения к присяге казаков на верность хану. В 1715 г. запорожцам пришлось послать депутацию, которая сумела убедить крымских начальников в невозможности присяги по причине того, что все казаки в данный момент «в разброде за добычей». Сразу же по возвращении депутатов был отправлен новый запрос гетману И.И.Скоропадскому, который переправил его в Петербург, сопрово-

див личным ходатайством о предоставлении запорожцам доступа на российскую территорию для торговли. 10 февраля последовал жесткий ответ Петра I. В нем вновь категорически отвергалась сама идея возрождения Сечи в России, так как земли, на которых она располагалась «уступлены» Турции. Более того, официальным властям запрещалось всякое общение с запорожцами, Этот запрет распространялся даже на простых граждан, бывавших в Крымском ханстве по личным и торговым делам. После этого, ожидавшие долгожданной помощи из России запорожцы ответили новой «обидой» в свойственной им манере: совершили целый ряд набегов на бывшую родину и грабежей русских купцов, за что Крым, вынужденный реагировать на справедливые упреки российской стороны, на время отобрал у казаков Кызыкерменский перевоз. С большим трудом кошевому атаману удалось вернуть этот доходный промысел. Однако бесчинства запорожцев продолжались и далее. Казаки насильно отправляли купцов в Сечь, где кошевой атаман лично выдавал разрешение на перевозку грузов, а также «предоставлял» охрану, причем, каждому провожатому полагалась от торговцев кругленькая сумма в 10 талеров. Тех купцов, которые пытались обойти Кызыкерменский перевоз и переправиться на правый берег другим путем, казаки настигали и попросту грабили. Гетман И.И.Скоропадский неоднократно ставил вопрос перед властями Крыма об отобрании перевозного промысла у запорожцев, но в ответ получал одни отговорки. Да и запрещение малороссийским купцам общаться с сечевиками постоянно нарушалось. Торговля с ними, не смотря на многие неудобства, была очень прибыльна. Казаки по приемлемым ценам и в больших количествах продавали грецкие орехи, соль и рыбу, покупая пользующиеся повышенным спросом в Сечи табак, горилку и мясо.

Между тем, здесь в 1716 г. образовалась партия приверженцев возвращения в Россию во главе с вновь избранным кошевым атаманом Иваном Малашевичем. 3 мая 1716 г. он направил написанное в высокопарном стиле письмо миргородскому полковнику Даниилу Апостолу, который являлся, фактически, вторым после гетмана лицом на Украине. После пятимесячного ожидания ответа запрос был повторен 14 октября 1716 г. Но все усилия были напрасны, - официальные власти Украины строго выполняли приказ Петра I, запрещавший всякие сношения с запорожцами. Поэтому и письма кошевого атамана с просьбой о возвращении 1717 г. и 1718 г. остались без ответа. Лишь однажды, 8 января 1717 г., на очередной запрос гетмана И.И.Скоропадского Петр I разрешил по его усмотрению брать на военную службу повинившихся запорожцев, но одновременно подтвердил резко негативное отношение к сечевикам вообще.

Запорожцы решили всем своим поведением доказать лояльность к российскому престолу. Когда крымский хан потребовал их участия в набеге на территорию России, в отместку за гибель от рук донских казаков и калмыков 70 запорожцев, атаман Малашевич отверг данное требование, ссылаясь на то, что это противоречит русско-турецким мирным трактатам.

Русских купцов, подвергавшимся ранее притеснениям, теперь запорожцы опекали. Когда несогласная с таким положением банда сечевиков ограбила очередной караван из России, произошел небывалый случай: запорожцы выплатили пострадавшим купцам некую «страховку» в 1930 талеров.

Однако, и эти усилия казаков-эмигрантов оказались безрезультатными: царь молчал и откладывал решение запорожского вопроса сначала до возвращения в Петербург из-за границы, а вернувшись вообще на неопределенное время. Более того, очередной запрос запорожцев 1719 г. возымел обратный эффект: новый хан Саадат-Гирей в письме к Петру I обнадеживал нерушимым миром с Россией, а если казаки

«забалуют» обещал их просто уничтожить.

Одновременно с этим активизировалась прошведская партия запорожцев во главе с Орликом. После смерти Карла XII, последовавшей в 1718 г., «гетман» заручился поддержкой его сестры Ульрики-Элеоноры, наследовавшей престол и желавшей продолжения войны с Россией. Об этом Орлик сообщил в своем письме в Сечь от 8 декабря 1719 г. Здесь положение также изменилось – новый кошевой атаман Иван Пилипов отличался от Малашевича прямо противоположными пристрастиями, и поэтому казаки послали в Стокгольм «благоприятный лист». Им ответил уже муж Ульрики-Элеоноры, Фридрих I, которому она уступила престол. В своем письме новоиспеченный монарх выражал «полную готовность оказывать запорожцам милость и склонность во всех их вольностях и делах». Посланный из Стокгольма к крымскому хану Федор Нахимовский передал послание в Сечь. Часть запорожцев была обрадована возрождением идеи шведского протектората и вручила посланцу теплое письмо к Орлику. Последний еще долго будет предпринимать антироссийские акции, разъезжая по Европе с рекомендательными письмами шведского короля к монархам Англии, Польши, Османской империи и императору Священной Римской империи, пока не осел, наконец, в Солониках, принадлежавших тогда Турции.

Несмотря на то, что большинство запорожцев не хотело воевать с Россией, Петр I, узнав о сношениях части их со шведской стороной, принял новые меры по изоляции казаков. Назначая нового коменданта Полтавы, он приказал впредь не пускать запорожцев в Российскую империю и запретить поездки к ним своих подданных (повторные приказы делались от того, что сечевики продолжали пробираться в Малороссию, иногда поселяясь в таких крупных населенных пунктах, как Полтава, были случаи, когда они добирались и даже подолгу жили в Москве). На все запросы казаков царь отвечал упорным молчанием, а 16 мая 1722 г. учредил малороссийскую коллегия, сильно урезавшую украинскую автономию. Гетман И.И.Скоропадский бросился в Петербург с прошением об отмене этого указа, но Петр I ответил решительным отказом. Старый гетман вернулся в Глухов и умер. Царь назначил исполнять его обязанности кн.И.Ю.Трубецкого, а выборы гетмана отложил на неопределенное время. Такое положение делало бесперспективным возвращение запорожцев [8, с.521-536]. Ничего не изменилось и после смерти первого российского императора. Его преемница, Екатерина I, продолжила в отношении запорожских казаков политику мужа, дважды подтвердив в 1725 г. [5, с.12] и в 1727 г. [7, Т.VII, №4700]. запрет на отношения с ними для всех подданных России.

Между тем, существование запорожцев в Крымском ханстве становилось все более нетерпимым. Взамен жалованья им предоставили право промысла соли, но, узнав, что казаки добывают ее не только для себя, но и на продажу, обложили эти операции огромным налогом. В конце концов, крымский хан отобрал у запорожцев весь низ Днепра от Великого лимана до порогов и передал его во владение ногайцам. В самой Сечи казакам запретили всякую торговлю, осуществлять которую здесь могли теперь только татары, евреи, греки и армяне. Особенно больно ударил по запорожцам запрет на наличие пушек и строительство в Сечи укреплений. И еще больнее – запрещение воздвижения в ней церкви.

Татары вовлекали казаков во внутреннюю борьбу за власть и наказывали их за это. Например, Менгли-Гирей, победив Адиль-Гирея, на чьей стороне вынужденно боролись запорожцы, полторы тысячи казаков продал на каторги. По первому призыву хана запорожцы были обязаны выставить 2 тыс. воинов. Причем, их отправляли в самые дальние походы, так, участвуя в экспедиции против черкесов, они дошли до реки Сулак. 300 казаков Сечь выставляла на строительство укреплений на Перекопе.

Эта повинность особенно не нравилась запорожцам, «имевшим особое понятие о чести «лыцаря», несовместимой с трудом землекопа».

Случались притеснения и от простых татар. В случае пропажи у последних скота, вина всегда возлагалась на запорожцев, плативших огромные штрафы или вынужденных продавать людей в неволю. Конфликты казаков с представителями любого другого народа всегда решались не в их пользу. Например, за мнимую обиду поляков запорожцы заплатили 2400 рублей. А затем крымский хан отнял у казаков крепость Кодак и отдал ее представителям польской нации.

Крымские салтаны и мурзы очень часто посещали Сечь в Алешках для проведения проверок. Такие инспекции, длившиеся очень долго, принуждали казаков кормить не только проверяющих, но и их свиту и лошадей, а также делать им богатые подарки[8,с.555-558]. Поэтому взоры казаков вновь и вновь обращались к России, тем более, что приход к власти нового императора, Петра II, ознаменовался более благосклонным отношением к казакам-изгнанникам. В Малороссии были разрешены выборы гетмана, которым стал Даниил Апостол. «Руководителем» его был назначен тайный советник Федор Наумов. Новая администрация гораздо лучше, чем прежде относилась к запорожцам.

Настроение в Сечи резко поднялось, поползли слухи о скором возвращении на родину. Главнокомандующему русскими войсками на Украине кн.М.М.Голицыну даже пришлось в строгой форме приказать Наумову и Апостолу срочно отправить в Сечь и на Кубань (там стояла тысяча запорожцев с полковником Иванцом) письма, запрещающие казакам открыто выражать свое стремление к возвращению. Но принятые меры не успокоили запорожцев. И хотя 23 мая 1728 г. рада в Сечи выбрала кошевым атаманом известного своей антироссийской позицией Константина Гордиенко, события начали приобретать необратимый характер. 24 мая 1728 г. от Старой Сечи в устье реки Чертомлык отошло 40 судов с казаками. Вскоре они появились в Алешках и, воспользовавшись внезапностью, заковали в кандалы кошевого атамана и войскового судью за отказ отдать войсковые клейноты. Затем казаки забрали всю церковную утварь, разбили все армянские и греческие лавки, разграбили все товары (сами торговцы еле успели ретироваться в Крым), разбили все шинки и выпили всю горилку и вино, которое там хранилось. Часть богатой старшины воспротивилась действиям казаков и тут же поплатилась за это имуществом – у них был отобран весь скот. Оставив 30 судов для тех, кто последует за ними, казаки отправились в Старую Сечь. 27 мая 1728 г. в урочище Алешки было пусто. Даже те, кто жил в отдаленных куренях и лесных просеках вернулись на родину.

Гетман Апостол узнал о возвращении казаков, будучи в Москве. Он тут же отослал приказ запорожцам вернуться в Крымское ханство. Но казаки провели раду, избрали кошевым атаманом И.П.Гусака, направили «просительный лист» Петру II и стали обустриваться. На непокорных было заведено дело в Верховном тайном совете, который постановил выдворить запорожцев за границу России, но одновременно «обнадеживать их секретно» и принимать небольшими партиями. 11 июня 1728 г. Петр II подписал грамоту генерал-фельдмаршалу кн.М.М.Голицыну, предписывающую «запорожцев многолюдством и с ружьем отнюдь не принимать». Одновременно было послано русскому резиденту в Константинополе И.И.Неплюеву письмо для передачи султанским властям с жалобой на казаков, своими действиями нарушающих русско-турецкие трактаты.

Затруднительное положение запорожцев породило их отток в города Малороссии. Например, только с 1 по 17 июня 1728 г. в Полтаву переселилось более 200 казаков. Пытаясь добиться разъяснения своего статуса, сечевики отправили депутацию в

Глухов к гетману Апостолу. Однако, депутатов просто выслали и их бесславное возвращение в Сечь вызвало там бунт. Кошевой атаман Гусак с полусотней своих сторонников вынужден был бежать и вскоре оказался в Киеве, просясь на военную службу к командующему южными войсками гр.фон Вейсбаху. Последний отослал бывшего атамана к фельдмаршалу Голицыну, а тот, в свою очередь, в Глухов к Апостолу, удержав сопровождавших Гусака казаков у себя и отправив ходатайство о легализации возвращения казаков в Старую Сечь. Но Петербург свою позицию не изменил, снова посоветовав лишь обнадеживать запорожцев этой перспективой.

В таком неопределенном положении казаки прожили в Старой Сечи весь 1729 г. Отчаявшись в положительном решении их судьбы российскими властями и устав от неопределенности, запорожцы положительно ответили на предложение крымского хана вернуться обратно, поступившее в 1730 г. Однако, вернулись они не в урочище Алешки, а стали Сечью в устье реки Каменка.

Но судьба запорожцев была решена уже в следующем, 1731 г. В связи с постоянной угрозой от Турции и Крымского ханства правительство приняло решение о строительстве укрепленной линии, состоящей из редутов и крепостей, по южной границе от Новобогородицкого городка у реки Самары до Северного Донца, указ о которой был подписан Анной Ивановной 25 июня 1731 г. Одновременно автор проекта укреплений гр.фон Вейсбах ходатайствовал о реэмиграции запорожцев, которые и должны были стать основной воинской единицей на южной границе. 31 августа 1731 г. императрица послала письмо кошевому атаману Малашевичу, где обещала взять казаков «под свое крыло», но просила повременить с возвращением до очередного разрыва отношений между Россией и Турцией. Но ждать пришлось долго. Когда измученные притеснениями крымских властей запорожцы обратились за помощью к гр.фон Вейсбаху в январе 1732 г., через три месяца они снова получили неопределенный ответ из Петербурга. Так, что мытарства запорожцев на чужбине продолжались еще не один год.

В 1733 г. после смерти короля Речи Посполитой Августа II, началась борьба за опустевший престол, в которую были косвенно втянуты и запорожские казаки. Было два претендента на польскую корону: сын умершего короля, Фридрих-Август, поддерживаемый Россией и Австрией, и ставленник Франции, Станислав Лещинский. Сторонники последнего обратились за помощью к турецкому султану и крымскому хану. Не забыли и о запорожцах: рейментарь земских войск Западной Украины пан Свидзинский отправил посланника к Малашевичу с предложением перейти на польскую службу. Кошевой атаман уклонился от ответа, подчеркнув, что казаки – подданные Крыма и не могут принимать такие решения без одобрения хана. Но, понимая, что отсрочка носит временный характер, Малашевич послал гонцов к фельдмаршалу Х.А.Миниху, будущему главнокомандующему русской армией в войне за польское наследство. Военноначальник, понимая остроту ситуации, немедленно послал запрос в Петербург и задержал до ответа казаков у себя. Положение усугублялось действиями несостоявшегося «гетмана Украины» Орлика, у которого среди сечевиков еще оставалось какое-то количество сторонников. Он находился в стане крымского хана, стоявшего в Бендерах, и посылал агитаторов к запорожцам с целью вовлечения их в антироссийские акции. Сын Орлика под видом офицера свиты находился при французском после в Константинополе, который также плел интриги против России. Поэтому на этот раз запорожцы очень быстро получили ответ из Петербурга. А, следом за ним, 31 августа 1733 г. была подписана императрицей грамота о полном прощении запорожских казаков.

11 декабря 1733 г. запорожский кош преподнес своему благодетелю гр.фон Вей-

сбаху официальную благодарность. Но немедленная реэмиграция была не возможна. Это вызвало бы обострение и без того напряженных отношений между Россией и Турцией, а также карательные меры крымского хана по отношению к самим запорожцам. Им с трудом удалось в очередной раз уклониться от присяги Крыму. Поэтому гр.фон Вейсбах послал подробные инструкции кошевому атаману Ивану Белицкому как вводить в заблуждение крымского хана. В них содержался совет всячески затягивать подготовку похода казаков для поддержки Станислава Лещинского, мотивируя это тем, что в Польше стояли русские войска, которые немедленно после ухода казаков разорят Сечь. В случае если ханские послы будут настаивать, гр.фон Вейсбах предлагал пойти на крайние меры: убить посланников хана, разгромить ногайские орды, кочующие у Днепра выше ниже Сечи и объявить себя российским подданными. Для обеспечения этого плана благодетель запорожцев разместил в местечках Медведково и Боровцы тысячу драгун, готовых по первому сигналу выступить вниз по течению Днепра для защиты Сечи.

Наступил 1734 г. Хан все более настойчиво требовал начать поход казаков в Польшу. Кошевой атаман Белицкий вынужден был сделать вид, что подчинился приказу. Казаки выступили к Бугу, но, не дойдя до Гарда, встали табором и послали гонцов к гр.фон Вейсбаху., который немедленно отправил запрос в Петербург. Здесь сочли, наконец, возможным возвращение запорожцев. А вполне достаточным поводом для этого явилось недавнее разорение ногайцами, подданными крымского хана, малороссийского села Беркут.

Между тем, положение казаков становилось все более критическим: хан требовал прибытия в Крым кошевого и куренных атаманов, как залога повиновения запорожцев. Иван Белицкий послал письма Каплан-Гирею, перекопскому бею и турецким эмиссарам, в которых мотивировал свою медлительность тем, что проходить через Малороссию казаки не могут, так как там живут их родственники[8,с.558-568]. Усыпив этим на короткое время своих повелителей, казаки быстрым маршем поднялись вверх по течению Днепра и 27 марта 1734 г. основали новую Сечь в урочище Базавлук в устье реки Подпильная в 5-7 верстах от Старой Сечи[5,с.13].

По этому поводу начались консультации петербургских властей с резидентом России в Константинополе И.И.Неплюевым. Последний выразил сомнение по поводу того, что Турция может начать войну из-за запорожцев, а также подсказал еще один весомый довод для возражений турецкой стороне: совсем недавно за Кубань эмигрировал из России калмыцкий хан Дондук-Омбо с частью калмыков, принятых в крымское подданство. На основе консультаций были выработаны подробные инструкция, в которой устами самой императрицы говорилось, что следует отвечать турецким властям о приеме запорожцев в подданство России. Там указывалось, что казаки - бывшие россияне, самовольно покинувшие родину, тем более, что в действия запорожцев за границей российская сторона не вмешивалась. Казаки возвращались в родные места, которые по русско-турецким трактатам находились вне границ Российской империи. Вся вина за бегство сечевиков возлагалась на крымского хана, который своими репрессивными акциями спровоцировал запорожцев к уходу из его страны. И вообще, если владыка Крыма, призванный оберегать мир между Россией и Турцией, предпринимает действия, осложняющие отношения между государствами, российская сторона будет вынуждена предпринять адекватные меры.

То, что казаки не хотят воевать против своих родственников, было, по мнению Анны Ивановны, «вполне натурально», и «если запорожцы не хотят идти войной против своего отечества, то русской императрице пенять на них за то неприлично». И, напоследок, Анна Ивановна приводила чисто женский довод в пользу возвращения

казаков. Он заключался в том, что она жалела запорожцев, которые живут в Сечи без жен и в случае возвращения в Алешки просто «все переведутся» [8, с. 571-572].

После доклада крымского хана об уходе казаков турецкому султану, последний приказал вернуть их любым способом, вплоть до применения вооруженной силы. Запорожцы, обеспокоенными этим, стали строить укрепления, что дошло до очаковского паши, который послал узнать, для какой цели они предназначены, если казаки поселились, по его мнению, на территории, принадлежащей Турции. Ответ запорожцев вызвал переполох у турецких властей: казаки ответили, что строят крепость по указу Петербурга. Это противоречило всем заключенным между Россией и Турцией дипломатическим документам. Турецкие власти приняли решение о посылке комиссии, которая на месте разобралась бы в ситуации.

Одновременно с этим предпринимались попытки вернуть казаков в Крымское ханство. 23 апреля 1734 г. к ним обратились с письмом по этому поводу Орлик и хан, обещавший вернуть запорожцам все их привилегии. В ответ казаки попросили и того, и другого больше их не беспокоить, так как они являются подданными России. Копии писем Иван Белицкий привез гр.фон Вейсбаху и попросил разрешения лично съездить в Петербург для подачи челобитной о создании Сечи. Разрешение было получено, к тому же первая делегация запорожцев во главе с бывшим войсковым судьей Решетило и атаманом Прокофием Федоровым была обласкана в Петербурге императрицей.

Конфликт между Россией и Турцией по поводу того, кому принадлежит место, на котором расположилась Новая Сечь, продолжался. Гр.фон Вейсбах вызвал вновь запорожскую старшину к себе и предложил им переселиться со спорной территории и расположиться в пределах Российской империи. Казаки ответили, что если Турция признает их местопребывание своей территорией, они незамедлительно переедут в Россию.

7 октября 1734 г. в Сечь прибыли турецкие инспектора в количестве 50 человек. Запорожцы встретили их с почетом и преподнесли в подарок 12 шкур лисицы. С делегацией прибыл особый курьер от крымского хана и Орлика, который, несмотря на протесты старшины, на войсковом кругу огласил новое приглашение в Крымское ханство. Запорожцы ответили решительным отказом.

Турки два дня инспектировали Сечь и ее окрестности. Убедились, что никаких «фортеций» не строится и, что земли, где обосновались запорожцы принадлежат Польше и в русско-турецких трактатах не упоминаются. Казалось бы, территориальный конфликт был улажен, но претензии Османской империи к России по поводу казаков оставались. Поэтому Анна Ивановна строго указала российским резидентам в Константинополе следить за настроением Порты и, в случае конфликта, по возможности затягивать дело.

Сразу после улаживания части конфликта от запорожцев в город Лубны была отправлена депутация для подписания условий возвращения казаков на родную землю. Условия давали хорошие перспективы для успешной адаптации реэмигрантов. Вот их основные положения: «1) Все вины и измены запорожских казаков против России предать забвению; 2) Жить запорожцам в местах, где разорено было в 1709 г. их жилище; 3) Пользоваться им промыслами, как на реке Днепре рыбной ловлей, так и в степях звериной охотой, от российских кордонов беспрепятственно; 4) Иметь им чиновников по настоящему тогдашнему положению; 5) Сохранять верность престолу российскому и быть стражами границ государства российского; 6) Быть им в зависимости от главнокомандующего генерала, в Малой России определенного; 7) Получать им за службу их жалованья ежегодно 20000 рублей на все войско» [8, с.604-605].

В Лубнах депутация принесла присягу, а для приведения к ней остальных за-

порожцев в Сечь отправился генерал-майор Тараканов, который вез с собой крупную сумму, выделенную на постройку Новой Сечи. Ему была устроена торжественная встреча. Несколько тысяч запорожцев за две версты от Сечи были выстроены по обеим сторонам дороги, встречая генерала и его свиту пушечным и ружейным салютом. Затем в местной Покровской церкви прошел торжественный молебен о здравии императрицы Анны Ивановны. После этого состоялось оглашение царской грамоты о прощении вины запорожцев и о принятии их «под скипетр России». Завершились торжества принятием присяги.

Сразу после церемонии в Сечи объявился турецкий посол с деньгами, дарами, султанским фирманом и письмами Орлика. Запорожцы отнеслись к нему враждебно, но посол потребовал, чтобы казаки отвергли предложение султана в письменной форме. В каком тоне был составлен ответ хорошо известно по сюжету знаменитой картины И.Е.Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Затем они бесцеремонно выставили не прошеных гостей из Сечи. Но и этого им показалось мало: группа запорожцев догнала в степи турецких посланников и отобрала ранее отвергнутые дары и деньги. Действия казаков вызвали бешеную злобу султана Османской империи, который приказал ловить запорожцев, не успевших покинуть Крымское ханство, и отправлять их на каторги. Сечевики ответили в казацкой традиции: поймали несколько турок и «изрубили их в куски» [8, с.604-605]. Только через пять лет по Белградскому миру 1739 г. Турция, наконец, признает запорожцев подданными России [5, с.14].

Всего в Сечи присягнуло 7115 человек, до этого в Белой церкви 153 человека, остальные принимали присягу по мере возвращения в Россию, о чем докладывал гр.фон Вейсбаху вновь избранный кошевой атаман Иван Малашевич [8, с.605]. В Новой Сечи выросло целое поколение казаков, не знавших такой страшной вещи, как эмиграция, ставшей тяжким испытанием для их отцов и дедов. Но это было последнее поколение запорожских казаков, родившихся и выросших на украинской земле, так как история с момента образования Новой Сечи дала ей чуть больше сорока лет существования в пределах Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Голубицкий В.А. Запорожское казачество, Киев, 1957.
2. Грушевский М.С. История украинского народа. М., 2002.
3. История Украинской ССР. Т.3, Киев, 1983.
4. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция России в XVIII- начале XX века. М. , 1998
5. Кубанский сборник. Труды Кубанского статистического комитета. Т. XVI, Екатеринодар, 1911.
6. Отечественная история. Энциклопедия. М., 1996-2000.
7. Полное собрание законов Российской империи.
8. Эварницкий Д.И. История запорожских казаков, Т.3, СПб, 1987.

K. Mazin

THE FIRST EMIGRATION OF THE ZAPOROZHIE COSSACKS

Abstract: The author investigates the history of the Zaporozhie Cossacks' first emigration which lasted for as long as 25 years. The article reveals the reasons why a significant number of the Zaporozhie Cossacks withdrew from the Russian empire in 1709. It also tells about their adaptation at the new place of residence and discloses their motives for returning to Russia. The struggle for influence over the Cossacks is considered in the context of the military and political opposition between Russia and Turkey and some other European countries, which supported Osman Empire.

Key words: Zaporozhie Cossacks, Zaporozhie Sech', emigration, Russia, Turkey, Crimean Khanate, Sweden.